

Булгаковский код в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота»

Татьяна Владимировна Скларова

*кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы,
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
(г. Харьков, площадь Свободы, 4, 61022, Украина;
e-mail: tanya.nadozirnaya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8034-6287>)*

Актуальность исследования обусловлена значимостью булгаковского интертекста в романе В. Пелевина. В статье показано, что практически вне зоны научного интереса оказался булгаковский код «Чапаева и Пустоты». Между тем его анализ особенно значим для понимания авторской концепции мира и человека. Можно говорить о том, что свой роман Пелевин пишет «поверх» «Мастера и Маргариты», создавая, таким образом, палимпсест, так как сходство между этими произведениями проявляется почти на всех структурных уровнях: рамочных элементов, композиции, проблематики, сюжета, системы персонажей и мотивов.

Исследование булгаковского интертекста позволяет утверждать, что Пелевин использует роман Булгаков «Мастер и Маргарита» в качестве стержневого претекста, и булгаковский код, наряду с буддистским, является принципиально важным для интерпретации «Чапаева и Пустоты». Пелевин ведет с классиком своего рода философско-религиозный диалог. Мироззрение Булгакова строится на христианских ценностях, что больше всего проявилось в его «закатном» романе. Аксиология романа подчинена христианской идеологии, в частности — ее нравственной составляющей. Как известно, в «Чапаеве и Пустоте» жестко спародированы определенные аспекты православия. Однако спор с предшественником происходит не в аспекте деконструкции христианского мифа и предьявления более актуального — буддистского. Автор «Чапаева и Пустоты» сомневается в состоятельности любых готовых истин, поэтому история Петра Пустоты — это не поиск уже созданных духовных ориентиров, а история обнаружения индивидуального пути обретения гармонии через отказ от прежних нравственно-этических программ, в числе которых выступает и булгаковский миф.

Роман «Чапаев и Пустота», как и «Мастер и Маргарита», может быть отнесен к двадресным текстам. Обращаясь к широкому кругу читателей, Пелевин создает комфортную и узнаваемую знаковую систему, порожденную маскультом. При этом каждый элемент его романа предполагает ироническую противоречивость и многозначность, что позволяет автору поставить важнейшие философские проблемы.

Ключевые слова: булгаковский интертекст, палимпсест, роман, двадресный текст

Скларова Т. В. Булгаковский код у романі В. Пелевіна «Чапаєв та Пустота»

Актуальність дослідження озумовлена важливістю булгаковського інтертексту в романі В. Пелевіна. У статті показано, що практично поза зоною наукового інтересу опинився булгаковський код «Чапаєва та Пустоти». Між тим його аналіз має особливе значення для розуміння авторської концепції світу та людини в романі. Можна говорити про те, що свій роман Пелевін пише «поверх» «Майстра і Маргарити», створюючи, таким чином, палимпсест, оскільки схожість між цими творами проявляється майже на всіх структурних рівнях: рамкових елементів, композиції, проблематики, сюжету, системи персонажів і мотивів.

Дослідження булгаковського інтертексту дозволяє стверджувати, що Пелевін використовує роман Булгаков «Майстер і Маргарита» як стрижневий претекст, і булгаковський код, поряд з буддистським, є принципово важливим для інтерпретації «Чапаєва та Пустоти». Пелевін веде з класиком свого роду філософсько-релігійний діалог. Світогляд Булгакова будується на християнських цінностях, що найбільше проявилось в його «західному» романі. Аксиологія роману підпорядкована християнській ідеології, зокрема — її моральній складовій. Як відомо, в «Чапаєві та Пустоті» жорстко спародіювані певні аспекти православ'я. Однак суперечка з попередником відбувається не в аспекті деконструкції християнського міфу і пред'явленні більш актуального — буддистського. Автор «Чапаєва та Пустоти» сумнівається в спроможності будь-яких готових істин, тому історія Петра Пустоти — це не пошук вже створених духовних орієнтирів, а історія виявлення індивідуального шляху знаходження гармонії через відмову від колишніх морально-етичних програм, в числі яких виступає і булгаковський міф.

Роман «Чапаєв і Пустота», як і «Майстер і Маргарита», може бути віднесений до двадресних текстів. Звертаючись до широких читацьких мас, Пелевін створює комфортну і впізнавану знакову систему, породжену маскультом. При цьому кожен елемент його роману передбачає іронічну суперечливість і багатозначність, що дозволяє автору поставити найважливіші філософські проблеми.

Ключові слова: булгаковський інтертекст, палимпсест, роман, двадресний текст

Skliarova Tetiana. Bulgakov code in the novel of V. Pelevin "Chapaev and Empty"

The relevance of the research is due to the significance of the Bulgakov intertext in the novel by V. Pelevin. The article shows that the Bulgakov code "Chapaeva and Void" turned out to be practically outside the zones of scientific interest. Meanwhile, his analysis and understanding of man and the novel. Pelevin writes "Surfaces", "Masters and Margaritas", like everything that makes them look like all works that demonstrate almost all structural levels: components, compositions, problems, subjects, character systems and motifs.

The study of Bulgakov's intertext allows us to say that Pelevin uses Bulgakov's novel "The Master and Margarita" as the main suit, and the Bulgakov's code, in addition to the Buddhist one, is fundamentally important for the interpretation of "Chapaev and Void". Pelevin conducts a kind of philosophical and religious dialogue with the classic. Bulgakov's worldview is built on Christian values, which is most manifested in his "sunset" novel. The axiology of the novel is subordinate to Christian ideology, in particular, its moral component. As you know, in "Chapaev and the Void" certain aspects of Orthodoxy are rigidly parodied. However, the dispute with the predecessor does not occur in the aspect of the deconstruction of the Christian myth and the presentation of the more relevant -

the Buddhist. The author of "Chapaev and the Void" doubts that it is based on all possible patterns, that is, history has nothing to do with spiritual views, when individual ways of finding harmony are revealed through rejection of previous moral and ethical programs. The novel "Chapaev and the Void", as well as "The Master and Margarita", can be defined as two-address texts. Turning to the broad readership, Pelevin creates a comfortable and recognizable system of signs generated by the mass culture. Each element of his novel supposes inconsistency and ambiguity, which allows the author to pose the most important philosophical problems.

Keywords: Bulgakov intertext, palimpsest, novel, two-address text

Роман Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота», опубликованный в 1996 году, остается одним из самых известных и читаемых произведений писателя. Об этом свидетельствуют статус бестселлера, многомиллионные тиражи, многочисленные переиздания на русском языке и переводы на многие иностранные языки. Количество научно-критических работ, посвященных этому тексту, почти необозримо. Однако, как показывает аналитический обзор критических и научных наблюдений, в которых исследуется интертекстуальное поле произведения, вне зоны научного интереса оказывается булгаковский код «Чапаева и Пустоты». Между тем его анализ позволит уточнить и дополнить представления об одном из культовых текстов русской литературы 1990-х годов.

Роман «Чапаев и Пустота» был написан и опубликован в период глубочайшего кризиса – социального, экономического, культурного и духовного. Крушение традиционных ценностей и старого мира, а также осознание всех известных моделей самоидентификации как устаревших, сделали чрезвычайно острой проблему поиска собственной подлинности в условиях хаоса. Обретение истинного бытия и абсолютной свободы озабочен главный герой романа Петр Пустота. Он оказывается действующим лицом сразу двух кризисных периодов в социально-культурной жизни России – начала и конца века. Эти события обнаруживают несомненное сходство, что наиболее явно демонстрируют почти совершенно одинаковые начало и финал романа. Таким образом, создается образ мира, зашедшего в тупик и не способного вырваться из череды кошмаров. Центральный персонаж проходит череду испытаний, грозящих ему как физической гибелью, так и утратой собственного «я». В романе дан вариант выхода из кризиса реальности и сознания, созданный на стыке и столкновении различных интерпретаций действительности и человека, которые даются в рамках различных культурных кодов, среди которых преобладает восточный, что достаточно нетрадиционно для литературы конца XX века.

Значимость восточного философского кода в поэтике произведений писателя давно стала общим местом в пелевиноведении, однако чаще всего об этом рассуждают именно в связи с романом «Чапаев и Пустота». К. Резников полагает, что этот текст является проповедью дзен-буддизма, а самого Пелевина можно назвать его адептом и пропагандистом [8].

Исследовательница буддизма в современной культуре М. Кожевникова полагает, что «Чапаев и Пустота» – это попытка автора нащупать новое мировидение в русле буддистских путей [4]. А. Генис считает, что роман «Чапаев и Пустота» является первым в России дзен-буддистским романом, который строится по образцу дзенских коанов – буддистских вопросов без ответов [1]. Однако, по мнению А. Мережинской, исследователь выделил только одну особенность реализации восточной парадигмы (использование формы коана и модели «учитель-ученик»). С точки зрения ученой, Пелевин включает в свое произведение более широкий круг составляющих буддистского ментально-духовного мира и ставит характерную для дзен-буддизма проблематику, остротенную современным постмодернистским контекстом [6, с. 141].

Буддистский интертекст является наиболее исследуемым, но не единственным. Перечисление наиболее очевидных претекстов «Чапаева и Пустоты» займет не один абзац. Это многочисленные философские, религиозные и эзотерические трактаты, современные теории массовой культуры, фольклор, классическая и современная литература. По словам А. Цыганова, для понимания и интерпретации всех интертекстуальных отсылок, заключенных в произведениях Пелевина, необходимо быть эрудированным человеком, знать не только классические тексты художественной и философской литературы, но и ориентироваться в современной «наркотической мифологии» (К. Кастанеда, Т. Маккена, О. Хаксли, С. Гроф), а также иметь представление об альтернативной истории, крипто-истории, мистическом понимании истории и т.д. [11]. Л. Филиппов проводит параллели между творчеством писателя и произведениями классиков русской литературы, таких как А. Пушкин, М. Лермонтов, А. Блок. [10].

С первых же страниц романа читатель отсылается к текстам русского модернизма (А. Блока, В. Брюсова), классике (творчество А. Пушкина, М. Надсона, Х. Борхеса, Ф. Достоевского), советской литературе («Чапаев» Д. Фурманова) и т. д. Однако, как представляется, особенно значим для понимания авторской концепции мира и человека в романе интертекст «Мастера и Маргариты» М. Булгакова. Можно даже говорить о том, что свой роман Пелевин пишет «поверх» «Мастера и Маргариты», создавая, таким образом, палимпсест, так как сходство между этими произведениями проявляется практически на всех структурных уровнях: рамочных элементов, композиции, проблематики, сюжета, системы персонажей и мотивов.

Связь между романами Пелевина и Булгакова обнаруживается уже на паратекстуальном уровне. В обоих случаях названия произведений представляют собой два имени собственных, соединенные союзом «и». Что характерно, в обоих текстах актуализируется проблема истинного автора. Известно, что роман о Понтии Пилате был написан Мастером, однако существуют и другие мнения на этот счет. Например, В. Маринчак пишет, что авторство ершалаимских глав ставится под сомнение, «ведь первая из них известна в изложении Волаанда, вторая предстает как сон Бездомного, возможно, внушенный тем же Волаандом, и лишь последующие прочитываются по рукописи, впрочем, восставшей из пепла по воле того же Волаанда, хотя знавшая очень хорошо роман Маргарита узнает их и перечитывает как знакомый текст» [5, с. 271]. Проблема авторства обнаруживается и при анализе романа «Чапаев и Пустота». На первый взгляд, очевидно, что нарратором выступает Петр Пустота. Однако эпиграф к роману приписывается Чингиз-хану. Автором предисловия является Урган Джамбон Тулку VII, Председатель Буддийского Фронта Полного и Окончательного Освобождения (ПОО (б)). В том же предисловии сказано о некоем загадочном и безымянном редакторе, о Фурманове и самом Петре Пустоте. Неизбежно поэтому возникает вопрос о том, кто действительно является автором романа.

Чрезвычайно показательно сопоставление романов «Чапаев и Пустота» и «Мастер и Маргарита» с точки зрения их композиционной структуры. В произведении Булгакова представлены два основных хронотопа: время правления пятого прокуратора Иудеи Понтия Пилата в Ершалаиме в I в. н.э. и Москва 1920—30-х годов. Композиционно произведение Булгакова представляет собой роман в романе: роман Мастера в романе о Мастере. В пелевинском произведении сопоставлены время Гражданской войны начала XX века и середина 1990-х годов. Петр Пустота по совету Чапаева начал записывать свои галлюцинации, подобно тому, как Мастер писал роман о Понтии Пилате. «Чапаев и Пустота» также строится по принципу «текст в тексте», поскольку главы о пребывании Петра в клинике и истории его соседей по палате можно считать записанными им самим. В результате сны Петра оказываются его «романом», включенным в роман Пелевина. Начало и конец XX века, описываемые в пелевинском романе, оказываются схожими между собой, подобно двум временным планам «Мастера и Маргариты» (так, литературное кабаре «Музыкальная табакерка» преобразуется в 1990-х годах в кафе «Иван Бык John Bull Pubis International», где все осталось практически неизменным). Кроме того, как булгаковском, так и в пелевинском романе, оба временных

пласта в финале сплавляются в космический и вечный, превращая «здесь» и «сейчас» в «везде» и «всегда».

Несомненное сходство обнаруживает также система персонажей и сюжетные ситуации обоих романов. Образ главного героя «Чапаева и Пустоты» отсылает сразу к нескольким персонажам Булгакова. Во-первых, очевидна параллель между Пустотой и Иваном Бездомным. В начале романа Петр, спасаясь от ареста, бежит из Петербурга в Москву и бродит там, не зная, куда податься. Бездомность Петра аллегорично отсылает к булгаковскому персонажу с соответствующей фамилией. Как Петр, так и Иван являются поэтами. Петр вынужденно становится убийцей своего школьного друга, а Бездомный – свидетелем трагической гибели своего приятеля Берлиоза на Патриарших прудах. После этого атеист Иван обзавелся «оружием» против нечистой силы – бумажной иконкой и свечой – и отправился на поиски «убийцы»-консультанта. Петр же, проснувшись утром в квартире убитого им фон Эрнена, сильно испугался и снял со стены «большое деревянное распятие с изящной фигуркой Христа». В результате оба героя оказываются пациентами психиатрической лечебницы с одинаковым диагнозом – шизофрения. Последствия посещения Иваном «Грибоедова» можно сопоставить с «революционным террором», который Петр устроил в литературном кабаре «Музыкальная табакерка». Двух героев связывает, кроме всего прочего, мотив ученичества. Иван Бездомный становится учеником Мастера. У Пустоты тоже есть наставник – Василий Чапаев. В рамках буддистского кода, используемого в романе, Чапаев – не просто учитель в традиционном смысле этого слова, а своего рода гуру, бодхисатва. Один из вариантов перевода слова «гуру» с санскрита – «мастер».

Помимо существенного сходства пелевинского героя с Иваном Бездомным, можно также провести параллель между Пустотой и Мастером. Петр Пустота – поэт, Мастер – писатель. Их тексты присутствуют в обоих произведениях (в «Мастере и Маргарите» – это роман о Понтии Пилате, в «Чапаеве и Пустоте» – стихотворения и сны Петра). В булгаковском романе заглавный герой известен только как Мастер, и его прозвище вынесено в название произведения. Так и фамилия Петра, которую вначале можно принять за омонимичное слово, стоит в заглавии пелевинского романа. Оба персонажа знают некую истину, из-за провозглашения которой они помещены в психбольницу. Мастера и Пустоту сближает также проблема отношений творческой личности и власти. Роман Мастера подвергся жесточайшей критике. В пелевинском романе дана трагическая версия трагической судьбы Мастера: в частности, Петр Пустота был вынужден бежать из Петербурга из-за того, что большевистским редакторам не понравилась одна из рифм его стихотворения («Броневик» – «лишь на миг»). Василий Чапаев и

барон фон Юнгерн, обладающие сверхъестественными знаниями, заставляют вспомнить о Воланде. Так, очевидной отсылкой к «Мастеру и Маргарите» является реакция фон Юнгерна на просьбу Чапаева: «Полагаю, что и в этот раз вы просите не за себя» [6] (сравните: эпизод, в котором Маргарита выполняет просьбу Фриды). Во второй части романа Чапаев, к удивлению Петра, предстает в крайне затрапезном виде, что наводит на мысль о ночнушке Воланда. Образ Чапаева в целом подан так же нетрадиционно, как и булгаковского «князя тьмы».

В обоих романах происходят удивительные метаморфозы со временем и пространством: Воланд расширяет пространство квартиры и приглашает на бал тех, кто давно покинул мир живых. Петр в сопровождении барона Юнгерна попадает в Валгаллу, где обычные представления о пространстве так же легко нарушаются, а мертвые соседствуют с живыми.

Проблема выбора, центральная для булгаковского романа, предельно обострена в образе Пилата. Его трусость – это крайнее выражение несвободы духа, внутренней подчиненности. Именно свободе, обретению пустоты посвящен и пелевинский роман.

Видимо, можно говорить о том, что Пелевин использует роман Булгакова «Мастер и Маргарита» в качестве стержневого претекста, и булгаковский код, наряду с буддистским, является принципиально важным для интерпретации «Чапаева и Пустоты». Пелевин ведет с классиком своего рода философско-религиозный диалог. Мировоззрение Булгакова строится на христианских ценностях, что больше всего проявилось в его «закатном» романе. Аксиология романа подчинена христианской идеологии, в частности — ее нравственной составляющей. Как известно, в «Чапаеве и Пустоте» жестко спародированы определенные аспекты православия (например, рассуждения Коляна о «пахане с мигалками»). Однако «объектом иронии Пелевина является не само православие с его духовными традициями, а чрезвычайно низкий уровень религиозного развития наших соотечественников, которые становятся прототипами его героев» [2]. Как представляется, спор с предшественником происходит не в аспекте деконструкции

христианского мифа и предъявления более актуального – буддистского, а совершенно на другом уровне. Дело в том, что в «Мастере и Маргарите» заявлена четкая этическая программа, в соответствии с которой оценивается все происходящее. Судя по всему, автор «Чапаева и Пустоты» сомневается в состоятельности готовых истин, поэтому история Петра Пустоты – это не поиск готовых духовных ориентиров, а история обнаружения индивидуального пути обретения гармонии через отказ от прежних нравственно-этических программ, в числе которых выступает и булгаковский миф.

Уровень и сложность проблем, поставленных в «Чапаеве и Пустоте», а также интертекстуальность романа, бесконечно расширяющая сферу продуцирования смыслов, не предполагает его однозначного прочтения, что обуславливает вариативность истолкования финала. Многими читателями и исследователями он воспринимается как позитивный (Петр познает себя, достигает нирваны, гармонии). Однако подозрительно то, что «полный катарсис» фиксирует Тимур Тимурович, а герой просыпается в сумасшедшем доме. В этой связи возникает вопрос: обрел ли Петр подлинное бытие, или все произошедшее – бред больного человека. Кроме того, за этой главой следует еще одна, в которой герою вновь приходится вырываться из колеса сансары, стреляя из авторучки «в зеркальный шар этого фальшивого мира» [7]. Возможно, и это не конец?

Роман «Чапаев и Пустота», как и «Мастер и Маргарита», может быть отнесен к двуадресным текстам. Обращаясь к широкому кругу читателей, Пелевин создает комфортную и узнаваемую знаковую систему, порожденную маскультом. При этом каждый элемент его романа предполагает ироническую противоречивость и многозначность, что позволяет автору поставить важнейшие философские проблемы. Искусно и неожиданно используя самые известные образы массового сознания, он предлагает пересмотреть представления о природе реальности и ставит проблему поиска истинного бытия. Плотный интертекст бесконечно расширяет время и пространство произведения до везде и всегда (в случае с Пелевиным уместнее сказать – нигде и никогда), а образ героя обобщается до масштаба не просто человека кризисной эпохи, а личности в поиске экзистенции.

Литература

1. Генис А. Феномен Пелевина. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gen1/1.html> (дата обращения: 5.05.2020)
2. Гурин С. Пелевин между буддизмом и христианством. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html> (дата обращения: 15.03.2019)
3. Зорина М. Мотив пустоты в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» // Родное и вселенское: XI Международная научная конференция. Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2015. С. 216–221.
4. Кожевникова М. Буддизм в зеркале современной культуры: освоение или присвоение? URL: http://www.pelevin.info/pelevin_165_0.html (дата обращения: 12.03.2019)
5. Маринчак В. А. Пилат и «пилатчина» в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Настоятельность сказанного. Катастрофическое – сокровенное – сакральное в искусстве слова. X.: Права людини, 2010. С. 270–324

6. Мережинская А. Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи. Русская проза 80–90-х годов XX века. К.: ИПЦ «Киевский университет», 2001. 443 с.
7. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. М.: Эксмо, 2010. 416 с.
8. Резников К. Еще раз о Чапаеве и Пустоте. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67/ran14.html> (дата обращения: 1.02.2017)
9. Сейдашова А. Б. Мотив пустоты в романе В.О. Пелевина «Чапаев и пустота» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 3. С. 449–456.
10. Филиппов Л. Что-то вроде любви: критическая статья по Пелевину. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-filip/1.html> (дата обращения: 11.03.2019)
11. Цыганов А. Мифология и роман Пелевина «Чапаев и Пустота». URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-myths/1.html> (дата обращения: 11.03.2019)

References

1. Genis A. Fenomen Pelevina. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gen1/1.html> (accessed: 5.05.2020)
2. Gurin S. Pelevin mezhdu buddizmom i hristianstvom. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html> (accessed: 15.03.2019)
3. Zorina M. Motiv pustoty v romane V. Pelevina «Chapaev i Pustota» // Rodnoe i vselenskoe: XI Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Ulyanovsk: Ulyanovskiy gosudarstvennyy tehnikeskyy universitet, 2015. S. 216—221.
4. Kozhevnikova M. Buddizm v zerkale sovremennoy kultury: osvoenie ili prisvoenie? URL: http://www.pelevin.info/pelevin_165_0.html (accessed: 12.03.2019)
5. Marinchak V.A. Pilat i «pilatchina» v romane M. Bulgakova «Master i Margarita» // Nastoyatel'nost skazannogo. Katastroficheskoe – sokrovennoe – sakralnoe v iskusstve slova. Kharkov: Prava lyudini, 2010. P. 270–324
6. Merezhinskaya A.Yu. Hudozhestvennaya paradihma perehodnoy kulturnoy epohi. Russkaya proza 80–90-h godov XX veka. K.: IPTs «Kievskiy universitet», 2001. 443 p.
7. Pelevin V.O. Chapaev i Pustota. M.: Eksmo, 2010. 416 p.
8. Reznikov K. Esche raz o Chapaevе i Pustote. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67/ran14.html> (accessed: 1.02.2017)
9. Seydashova A.B. Motiv pustoty v romane V.O. Pelevina «Chapaev i pustota» // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2017. T. 22. № 3. S. 449–456.
10. Filippov L. Chto-to vrede lyubvi: kriticheskaya statya po Pelevinu. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-filip/1.html> (accessed: 11.03.2019)
11. Tsyiganov A. Mifologiya i roman Pelevina «Chapaev i Pustota». URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-myths/1.html> (accessed: 11.03.2019)

СклярOVA Тетяна Володимирівна, кандидат філологічних наук, доцент кафедри історії російської літератури, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна (майдан Свободи, 4, м. Харків, 61022, Україна); e-mail: tanya.nadozirnaya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8034-6287>

Skliarova Tetiana, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature, V. N. Karazin Kharkiv National University (Svobody Sq., 4, Kharkiv, 61022, Ukraine); e-mail: tanya.nadozirnaya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8034-6287>